

М.Ф. ЧЕРНЫШ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИЧИН МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ¹

Аннотация. В статье представлены теоретические подходы к изучению феномена межнациональной напряженности. Межнациональная напряженность характеризует отношения, которые возникают между этническими группами, находящимися в соприкосновении друг с другом. Как правило, в исследованиях межнациональной напряженности она понимается как неприязненное или враждебное групповое сознание в двух или нескольких этнических группах. В работах Э. Дюркгейма подчеркивается, что причиной межэтнической напряженности служит слабость общих гражданских ценностей. С его точки зрения, только то общество, где ценности гражданства разделяются подавляющим большинством граждан, имеет основание именоваться моральным. Мобилизация на базе этнических ценностей ослабляет общество, поскольку противопоставляет один народ другому. В работах левых социологов межнациональная напряженность рассматривается как результат неполной эмансипации этнических групп в современном обществе. В исследованиях культурной направленности (Э. Геллнер, Э. Хобсбаум) межэтническая напряженность трактуется как следствие культурной селекции, осуществляемой при строительстве национального государства. Межэтническая напряженность вызывается разной комбинацией причин в разных ситуациях, поэтому, следуя рекомендации Р. Будона, необходимо изучать ее с учетом той комбинации экономических, социальных и культурных факторов, которая ее формирует.

Ключевые слова: социальная группа; этническая группа; этническое сознание; межнациональная напряженность; конфликт; «моральное общество»; национальное государство; классовый конфликт.

Для цитирования: Черныш М.А. Теоретико-методологические основы изучения причин межэтнической напряженности // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 4. С. 25–41. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4806

Межэтническая напряженность как предмет исследования

В социологии, классической и современной, проблема межэтнической напряженности, как правило, рассматривается как один из вариантов социальной напряженности, социального конфликта, обуслов-

Черныш Михаил Федорович — доктор социологических наук, заместитель директора по науке, Институт социологии РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 125-00-60. **Электронная почта:** mfche@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №15-18-00138 «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений».

ленного причинами структурного и культурного характера. Существует, однако, ряд соображений, которые побуждают рассматривать межэтническую напряженность как самостоятельный предмет исследования, выделяя его из общей совокупности напряженностей и конфликтов современного общества. Во-первых, межэтническая напряженность, в отличие от иных напряжений, имеет сильную культурную составляющую. Напряжение возникает между субъектами с несхожими, а иногда и конфликтующими идентичностями, расходящимися, а иногда и противоположными системами ценностей, разными, а иногда и не совместимыми поведенческими паттернами. За напряжениями, которые возникают между этническими группами, нередко просматриваются разные традиции, разные исторические нарративы и разные культурные мемы. Во-вторых, в отличие от напряженностей и конфликтов иного характера, межэтническая напряженность в современном мире не только не убывает, но и, напротив, имеет тенденцию к обострению, причем не только в развивающихся, но и в развитых странах, где, казалось бы, межэтнические отношения введены в цивилизованное институциональное русло и активно модерируются государством. Отчасти это связано с культурными реалиями, которые создаются процессом глобализации. Сложные структуры, регулирующие жизнь обществ, все чаще сталкиваются с необходимостью учитывать фактор глобальных интересов. Слияние глобального и локального нередко рассматривается в позитивном ключе, как возможность сохранения локальных культурных реалий в условиях, когда глобальные институты становятся все сильнее.

Однако непреднамеренным последствием подобного слияния стало ослабление регулирующей и консолидирующей роли национальных государств и, соответственно, возрождение локальных национализмов. Отчасти межэтническая напряженность — это реакция на быстрое, а иногда и скачкообразное нарушение структурных соотношений внутри общества, вызванное потоками «странствующих» выходцев из других регионов. О том, что растущая миграция изменит мир, социологи писали еще на пороге нового тысячелетия. Аппадурай увидел в будущем этноскейпы, изменяющиеся вследствие распространения туризма и расширяющихся потоков миграции [5, р. 40–66]; по мнению Урри, в новой глобальной реальности кроются новые возможности для «мобильностей» — перемещения предметов, людей и идей на большие расстояния в кратчайшие сроки [13]. Мобильности приводят в контактное состояние этнические группы, которые в прошлом имели немного точек соприкосновения. Этот контакт далеко не всегда влечет улучшение отношений между этническими группами. Многие зависят от содержательных характеристик тех культур, которые, благодаря новым возможностям, входят между собой в соприкосновение, от репертуара социальных действий, закрепленных в каждой из них. В подобных ситуациях возможно обострение культурных противоречий, и в частности — столкновение между современной и традиционной культурами. Если в прошлом современная и традиционная культуры имели собственные

ойкумены — соответственно город и село, то в эпоху мобильностей граница между ними становится все более эфемерной. Носители традиционных культур все чаще оказываются в ойкумене современной культуры, свободные от свойственных традиционной культуре регуляторов поведения. Текст современной культуры, акцентирующей свободу индивидуального самовыражения, прочитывается ими совсем иначе, чем теми, для кого она — привычная среда обитания. Одним из следствий ложного прочтения становится напряженность в отношениях между разными этническими или религиозными группами, приводящая зачастую к открытым конфликтам между ними.

Важно понимать, что межэтнические отношения развиваются с учетом идентичностей, свойственных каждой из вступающих в эти отношения этнических групп. Степень их совместимости зависит от заключенного в них интерпретационного репертуара, готовности этнической идентичности «уживаться» с теми универсальными ценностями, которые служат основанием современного общества. Соотношение универсального и партикулярного рассматривалось классиками социологии как исходная точка для понимания того, каковы в настоящее время и какими должны быть нормы жизни в обществе, полном различий.

Ранние социологические опыты изучения темы:

Эмиль Дюркгейм и «моральное общество»

С момента своего рождения социология напрямую или косвенно обращалась к проблеме социальной напряженности. Эмиль Дюркгейм усматривал латентную напряженность в тех отношениях, которые возникали и воспроизводились между индивидом и обществом. Общество проявлялось в социальных фактах, которые, как полагал Дюркгейм, потому и являются фактами, что имеют принудительную силу по отношению к индивидуальной воле. Социальные факты нередко проявлялись в общих тенденциях, которые в общественном сознании рассматривались как патологии. Самоубийство становилось не только и не столько актом свободного выбора, сколько действием, совершаемым под влиянием внешних обстоятельств. Солдат, идя на смерть, совершает подвиг, но сама необходимость подвига возникает как продукт ролевых конфликтов, как разрешение противоречия между ценностями разного уровня и разного плана. Конфликт общих ценностей, призывающих к сохранению жизни, и ценностей, утверждающих необходимость защиты отечества, может иметь исходом «славную смерть» солдата во имя жизни соотечественников. Дюркгейм как никто другой понимал опасность напряжений, которые могут быть продуктом этнического мышления: он принадлежал к дрейфусарам — группе интеллектуалов, энергично выступавших в защиту капитана Дрейфуса, ложно обвиненного в шпионаже в пользу Пруссии. Защищая Дрейфуса, Дюркгейм выходил за рамки юридической аргументации. Нельзя, полагал он, говорить только о нарушенных правах одного человека, оказавшегося в центре большого скандального дела. Речь идет не только о судьбе и нарушенных правах одного гражданина, под

вопросом оказывается то, что Дюркгейм называл «моральной жизнью в Третьей республике»: «Мы выступаем не только из сочувствия к жертве этого несправедливого процесса. Не только из страха перед возможным повторением совершаемой несправедливости. Более другого нас волнует то, что попытки клеветы, оставшиеся без последствий, скомпрометируют само национальное существование» [6, р. 25]. Под национальным существованием (*existence nationale*) Дюркгейм подразумевал существование не отдельных этнических фракций, а национальную, гражданскую жизнь в целом, опирающуюся, по его представлениям, на идею равенства всех граждан перед законом, общие для всех ценности, преодолевающие этническую однобокость. Речь шла, вне всякого сомнения, о гражданской вере или гражданской религии как общем проекте, способном преодолеть раскол общества по национальному признаку. В случае с Дрейфусом историком, провоцирующим напряжение, становились те, кто выступал за социальный порядок, в котором было бы возможно нарушение «морального консенсуса». По мере развития дела становилось понятно, что Дрейфус невиновен, а дело, по которому он подвергался гонениям, сфабриковано. Некоторые французские политики, признавая несостоятельность суда над Дрейфусом, предлагали дать делу дальнейший ход, исходя из интересов социального порядка. Дюркгейм, понимавший, что фундаментом социального порядка не может быть аморализм властей, призывал действовать по справедливости. Под справедливостью он понимал способность власти действовать морально, соблюдать принципы государственности, ею самой провозглашенные. Если действовать несправедливо, полагал он, в короткой перспективе социальная стабильность может быть достигнута. В длительной перспективе цели, которых придерживается государство, взаимодействующее с обществом, пострадают: «Орган общественной жизни, каким бы важным он ни был, — это всего лишь средство достижения целей государственного строительства. Какой смысл в том, чтобы заботиться о средствах поддержания стабильности, если сама цель этой стабильности исключается из числа аргументов?» [6, р. 25].

Выступая в защиту Дрейфуса, Дюркгейм полемизировал со взглядами, которые активно отстаивал антидрейфусар Франсуа Брюнетьер, литературный критик и публицист. Брюнетьер апеллировал к общественным наукам — антропологии, истории, лингвистике, — якобы убедительно обосновавшим неравенство разных народов и этносов. Бытующие во французском обществе предрассудки он предлагал рассматривать как реакцию на доминирование некоторых этнических и социальных групп в экономике, политике и средствах массовой информации. Евреи, утверждал он, сами виновны в антисемитизме, потому что «господствуют» в политике, управлении и образовании. В логике Брюнетьера дело Дрейфуса, пусть даже и фальсифицированное, оправдывалось неким общим контекстом сложившихся в обществе отношений доминирования, межэтнического напряжения, вытекающего из неравенства распределения общественных ресурсов [10, р. 336–337].

Брюнетьер видел угрозу обществу в либеральных взглядах Герберта Спенсера, считавшего войну и все, что с ней связано, пережитком варварства, тормозящим развитие обществ. Для Франции, полагал Брюнетьер, война и успешная дипломатия — это важнейшие условия безопасности, развития и демократии. Отсюда — трепетное отношение французов к армии как институту, который на протяжении всей истории страны создавал предпосылки для консолидации, «цементирования» общества, утверждал в общественном сознании идею равенства. Дюркгейм противопоставлял милитаризму Брюнетьера идею сплочения на основе гражданских ценностей. Идейной опорой для данной системы ценностей должно было стать христианство, ее краеугольным камнем — идея свободы личности, а конечной целью — социализм. В этой троичной структуре присутствовали прошлое как стартовая точка развития, современность как процесс индивидуализации и будущее как объединение сознательных индивидов, признающих ценность общественного блага. Индивидуализм следовало рассматривать не как своеволие эгоистичного субъекта, а как сочувственное и уважительное отношение к человечности. Невозможно изъять из этой схемы хотя бы одного человека и принести его в жертву интересам государства или общества. Логика этнической эксклюзии обладает, по Дюркгейму, способностью нарушать согласие общества по поводу общих ценностей, она дает импульс ценностным конфликтам, которые подрывают устои общественной жизни.

Защищая Дрейфуса, Дюркгейм ставит три важные проблемы, имеющие прямое отношение к социальной напряженности и межэтнической напряженности в частности. Во-первых, это проблема оснований общественной жизни «моральных» или «аморальных». «Моральное» общество отличает стремление соблюдать справедливость, которая в данном контексте рассматривается как воздаяние за заслуги или возмездие за преступление. Справедливость не только в том, чтобы судить человека, обвиняемого в преступлении, но и в том, чтобы честно вести следствие, опираться на факты, а не предрассудки значительной части населения. Во-вторых, полагал Дюркгейм, стабильность как искомое состояние общественной жизни попадает под угрозу в том случае, если общество отказывается согласовывать между собой общественные цели и средства их достижения. Если же в обществе отсутствует общий проект, обращенный в будущее, то конкретные состояния теряют свое оправдание в настоящем, а стабильность выдвигается как прикрытие для стремления правящей элиты, как правило, несостоятельной, оправдать несправедливость существующего социального порядка. В постановке проблемы заключена, хотя и не эксплицитно, идея общества как иерархии ценностей, в которой общи гражданские ценности оказываются системным основанием воспроизводства общественных практик, а коллапс общих ценностей неминуемо приводит к фрагментации общества по разным линиям различия, этническим в том числе. Если гражданские ценности перестают обладать качеством сакральности, то на их

место выходят ценности более низких порядков, противопоставляющие друг другу этнические агломерации, территории, поселения. В статьях Брюнетьера возможность консенсуса во французском обществе, объединяющем все проживающие в его пределах этнические и религиозные группы, отвергается. Проблема справедливости, располагаемая в пространстве отношений этносов, разрешается в форме либо этнизации разделения труда, либо этнического «эгалитаризма», направленного на соблюдение процентной нормы в органах власти или деловой жизни. Реализация подобного проекта неминуемо приводит к той самой нестабильности, напряженности в отношениях между этносами, которую Брюнетьер старался предупредить. Процентная норма, казалось бы, закрепляет права большинства, но при этом она нарушает права конкретных индивидов, затрудняет для них возможность вертикальной мобильности — поступление в университеты, вхождение во власть, занятие бизнесом. Разрушаются общие основы меритократии, ориентированные на принятие достижения как важнейшего критерия возвышения в обществе. Несправедливость, имеющая этническую направленность, неминуемо рождает ответную реакцию, заключающуюся в явном или неявном протесте против существующего социального порядка. Отвечая Брюнетьеру, Дюркгейм призывал к поиску общих основ, способных нивелировать этнические различия, сделать их несущественными в контексте жизни общества. Главный вопрос заключается в том, смогут ли гражданские ценности опереться на большинство населения или же ценности более низкого порядка возьмут над ними верх. В первом случае общество находит варианты согласования интересов, во втором оказывается неспособным преодолеть зреющие в нем конфликты.

И наконец, в-третьих, в работах Дюркгейма задается, хотя и без подробного описания, система представлений о многоуровневом строении общественного сознания. Общие гражданские ценности обладают способностью влиять на ценности более низких порядков, снимая межгрупповые противоречия. Этноцентризм, пусть даже и функционально обоснованный, приводит к тому, что границы между этническими группами становятся реальными и ощущаются таковыми большинством населения. Необходимо подчеркнуть, что распад социальной жизни может приводить к расколам и более низким уровням: в конфликтных отношениях оказываются в этом случае жители отдельных населенных пунктов, а иногда и разные районы одного города. Таким образом, «аморализм» общества, выраженный в несоблюдении идей гражданского равенства и справедливости, — это дорога к распаду, коллапсу социальности, служащей опорой социальному порядку.

Рассматривая коллизии на этнической почве, такие как суд над Дрейфусом, Дюркгейм прокладывал дорогу к институциональной трактовке этнической напряженности. Он полагал, что интеграция общества может быть осуществлена прежде всего благодаря эффективной работе эгалитарных общественных институтов. По большому счету именно они составляют фундамент общественной жизни, а универсалистские

нормы жизни, которые они воспроизводят, были и будут основой общественного согласия. Отход от них означает распад общества, пусть и не всегда очевидный для современников, но неизбежный в перспективе.

Диалектика этнического и гражданского в марксистской доктрине социальных изменений

В марксистской концепции межэтнические отношения рассматриваются как продукт базисных межклассовых отношений. Если неукоснительно следовать марксистским принципам, то необходимо признавать, что любые проявления социальной напряженности, включая напряженность в отношениях между этническими группами, основаны на классовых конфликтах. Правящий класс буржуазного общества стремится расколоть пролетариат, ослабить его борьбу, затормозить движение сил, которые выступают за демократию и социализм. Отсюда — прямая заинтересованность буржуазного правящего класса в том, чтобы создавать напряженную атмосферу в отношениях между народами. При ближайшем рассмотрении оказывается, что исходный принцип марксистской национальной теории по-разному претворяется в разных социально-политических контекстах. Маркс задал тон обсуждения этнической проблемы в одной из первых и наиболее известных своих работ «К еврейскому вопросу», где призывал рассмотреть притязания евреев на эмансипацию как стремление к равенству в государстве, которое изначально ориентировано на разделение, неравенство и которое противостоит гражданскому обществу: «Поэтому мы не говорим вместе с Бауэром евреям: вы не можете быть эмансипированы политически, не эмансипировав себя радикально от еврейства. Мы, напротив, говорим им: так как вы можете быть эмансипированы политически, без того чтобы совершенно и беспрекословно отказаться от еврейства, то это значит, что сама по себе *политическая эмансипация* не есть еще *человеческая эмансипация*. Если вы, евреи, хотите быть политически эмансипированы, не эмансипировав себя самих как людей, то эта половинчатость и это противоречие заключены не только в вас, они заключены в *самой сущности и категории* политической эмансипации» [2]. Политическая эмансипация, по Марксу, сводится к формальному уравниванию национальной группы в правах, но оставляет без изменений характер буржуазного государства, неспособного преодолеть «химеру национальной разделенности». Маркс, как и Дюркгейм, выдвигает в качестве приоритетных общие принципы свободы, которые важнее, чем политические интересы отдельных социальных групп. Напряженность между этническими группами может возникать только в том обществе, где «человеческое» менее важно, чем политическое, а интересы общества сводятся к политическим гарантиям для отдельных его субъектов.

Американский социолог Э.О. Райт обратил внимание на то, что в работах Маркса общие принципы и анализ конкретной ситуации могут иметь серьезные расхождения [14, р. 6—11]. Речь идет не о деталях, а о ключевых принципах рассмотрения конкретной ситуа-

ции. В «Коммунистическом манифесте», отмечает Райт, Маркс ставит в центр анализа два класса, определяющие сущностные характеристики общественно-экономической формации. В работе «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс анализирует политические интересы и действия нескольких классов и социальных групп, то сближающихся, то расходящихся под влиянием конкретных обстоятельств. Причем зачастую не классы, а спонтанно формируемые социальные группы играют ключевую роль в политической борьбе. В отношении национального вопроса Маркс заявляет такую же «двухуровневую» логику: есть общие принципы, но есть и конкретная политическая ситуация, в которой доминирует логика политической целесообразности. В письме К. Каутскому от 7 февраля 1882 года Маркс рассматривает противоречивую ситуацию, в которой оказалось польское рабочее движение. Он полагает, что в сложившихся обстоятельствах польские рабочие организации должны отодвинуть цели борьбы за социализм и полноценно включиться в национальное движение: «Пока Польша разделена и угнетена, возникновение сильной польской социалистической партии в самой этой стране невозможно. Невозможно и установление международных сношений между пролетарскими партиями в Германии и иными партиями кроме тех, что созданы польскими эмигрантами. Любой польский крестьянин или рабочий, вышедший из общей апатии и примкнувший к борьбе за общие интересы, сталкивается с фактом национального угнетения. Этот факт и есть главный основной барьер на пути развития... Для того, чтобы сражаться, необходима почва, на которой можно стоять, воздух, свет и пространство для движения. Все остальное — это досужие разговоры» [3]. Иными словами, национальные идеи, направленные на создание собственного государства, могут идти с опережением по отношению к идеям социализма, потому что в конкретной ситуации национальный интерес оказывается условием успешного включения в общую европейскую борьбу за социализм. Если итожить, логика политической целесообразности позволяла марксистам в отдельных случаях рассматривать национализм как прогрессивное явление, как дорогу, ведущую к освобождению от национального гнета. В других случаях национализм приравнивался к применяемой буржуазией стратегии нейтрализации рабочего движения.

Подобное «гибкое» отношение к пониманию того, какова природа межэтнических противоречий, способствовало рождению теории, в которой предлагалось оценивать национализм в зависимости от контекста. В работе «О праве наций на самоопределение», выдержанной в общей логике марксизма, В.И. Ленин поставил идеям Маркса ограничения, связав их с конкретной ситуацией: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобрело гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской.

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего исключительного революционного значения» [4, с. 124].

Национальная культура, полагал Ленин, состоит из двух элементов — культуры эксплуататоров и культуры трудящихся. Трудящиеся имеют право в полной мере гордиться революционными традициями своего народа, но культуру эксплуататоров должны отвергать, а вместе с ней и то отношение к малым народам, которое этой культурой воспроизводилось. Известное высказывание Ленина о том, что «не может быть свободным народ, угнетающий другие народы», стало фундаментом, на котором должны были строиться национальные отношения в государстве победившего пролетариата. В национализме угнетенных народов в составе национального государства Ленин предлагал видеть две формы — национализм буржуазный и национализм, направленный против господства доминирующей в центре буржуазии, в случае России — против великорусской буржуазии. Антибуржуазный национализм угнетенных Ленин предлагал поддерживать, но лишь до той поры, пока он не обращается против рабочих иной национальности. В его экспансии Ленин усматривал признаки скатывания к мелкобуржуазному национализму, который должен быть осуждаем сторонниками социализма. В равной степени Ленин предлагал поддерживать идею самоопределения наций, но лишь до той поры, пока это было необходимо для победы социалистической революции. Идея самоопределения, включая самоопределение государственное, необходима, полагал Ленин, для того, чтобы создать атмосферу доверия в отношениях между разными национальными отрядами внутри пролетариата, на самом общем уровне показать, что для угнетенных народов существует реальная возможность освобождения и создания собственного государства. В капиталистическом обществе такая возможность должна быть закреплена за угнетенными народами, но в социалистическом государстве она будет реакционной по отношению к будущему единению пролетариата и его победе во всемирном масштабе.

В отношении к национальному вопросу Ленин, как и Маркс, предлагал двухуровневую логику — ориентацию на общий принцип борьбы за социализм и политическую интерпретацию такого явления, как национализм, в конкретной ситуации. В данной логике имелись очевидные лакуны, которые предлагалось рассматривать конкретно, в порядке их поступления. К ним относились, в частности, вопросы, касающиеся так называемого «прогрессивного» национализма угнетенных наций, и среди них вопрос о том, что может произойти, если лозунг национального само-

определения приведет к конституированию самостоятельных государств с националистической идеологией. Как должны действовать левые, если результатом подобной победы станут межэтническая напряженность и межэтнические конфликты? Лишь походя, критикуя Дзержинского за рукоприкладство, Ленин коснулся вопроса «инерции государственного аппарата», который унаследован из прошлого и предпочитает действовать в традиционном ключе. Неясно, как должны поступать в этом случае революционеры, как они должны «перевоспитывать» чиновников, которые на местах сталкиваются с локальными национализмами.

В левой традиции теория, а в большей степени практика построения межэтнических отношений создали благоприятную почву для рассмотрения проблемы межэтнической напряженности в политическом ключе — как области пропаганды и манипуляции ценностными представлениями. Речь, по сути, шла о так называемой «двойной повестке дня»: общественная или политическая силы декларируют одни цели, как правило, имеющие позитивное звучание для мобилизуемой массы, а в реальности преследуют другие цели, направленные на удовлетворение собственных интересов. Возникла возможность появления сложных схем, в которых национализм может быть поставлен на службу иным, более прогрессивным идеям. В революционной теории Франца Фанона, к примеру, национализм рассматривается как способ достижения солидарности для народа, который ведет борьбу за свое освобождение с колонизаторами или их союзниками. Однако сразу же после победы национальной революции национализм должен быть заменен на революционную программу универсального гуманизма: «Если национализм революционного периода не получает должного объяснения, если его не обогатить и углубить осознанием социальных и политических целей, или, иными словами, идеями гуманизма, то он ведет общество в тупик» [7, р. 201–202]. Фанон полагал, что основной силой, преобразующей общество, впитавшей идеи национализма, ведущего к освобождению, станет в развивающихся странах крестьянство. В некоторых случаях оно должно будет привлечь в союзники люмпен-пролетариат, имеющий ту степень структурной свободы, которая позволяет ему осознать необходимость национальной революции. Возникает закономерный вопрос: каким образом движущие силы революции — крестьянство и находящиеся с ним в союзе низы общества — смогут в короткие сроки преодолеть соблазн национализма, остановить поток насилия, сопутствующий революции? В теории Фанона такой силой должны стать просвещенные лидеры революции, осознающие временность национализма, мыслящие категориями социального, а не исключительно национального освобождения. Однако можно ли рассчитывать на то, что крестьяне и люмпены услышат призыв своих лидеров и откажутся от тех идей, которые принесли успех их движению? Лидеры освободительной борьбы, как Маркс и Ленин, верили в то, что освободительная революция имеет имманентную ей логику, диктующую необходимость перехода от идей национализма к идеям общегражданским. Опыт национальных революций XX века убедительно показал, что

логика национального освобождения может иметь разное, отличное от первоначальных идей течение. Консолидирующая сила национальной идеи остается в исторической памяти народа как воспоминание о славном времени победы над колониализмом и в этом качестве может стать в оппозицию идеям гражданского и социального строительства.

Конкуренция культур в строительстве наций:

Э. Геллнер и Э. Хобсбаум

Необходимо подчеркнуть, что внешние факторы, провоцирующие межэтническую напряженность, исследовались не только левыми социологами. Эрнст Геллнер, как и левые, полагал, что подъем национальных настроений может провоцироваться привходящими факторами, а именно — идеями элиты, направленными на строительство национального государства. На каждый национализм, который сыграл роль в строительстве общества, приходится несколько (примерно десять, по Геллнеру) культур, не имеющих государствообразующих признаков: «Национализм — это не латентная, спящая сила, восстающая, наконец, ото сна, хотя именно так он и старается себя представить. В реальности это — новая форма социальной организации, базирующаяся на глубоко усвоенной, внедряемой образованием высокой культуре, находящаяся под защитой собственного государства. Эта сила использует традиционные культуры, трансформируя их в процессе строительства нации, но она не может использовать все эти культуры. Эффективное государство, базирующееся на определенной культуре, не может быть меньше определенного размера, если только оно не паразитирует на соседних государствах. На нашей планете есть место только для нескольких подобных культур» [8, р. 48].

Из рассуждений Геллнера следует, что национализм — это прежде всего способ конституирования нации. Процесс строительства нации имеет в основании идеи национального единства. По ходу дела происходит селекция культур, в ходе которой ряд культур, представленные самостоятельными языками и живыми традициями, вытесняются на периферию общественной жизни, где происходит ферментация маргинальных этнических национализмов. Подобный процесс неизбежно сопровождается возрастанием напряженности в отношениях между этническими группами, принадлежащими разным культурам. Геллнер полагал, что этнический национализм малой группы не может иметь будущего, потому что не имеет перспектив создания собственной современной нации. Однако это не означает, что он не создает напряжений, особенно на тех территориях, где он либо противостоит гражданскому национализму большой нации, либо конфликтует, латентно или открыто, с этноцентрическими воззрениями других этнических групп.

Рассуждения Геллнера сходятся почти до деталей с представлениями такого серьезного исследователя национальных отношений, как Эрик Хобсбаум [9, р. 47–65]. Он также полагал, что национализм может быть двух типов — общегражданский, укорененный в государственной идеоло-

гии национальной консолидации, и «этно-лингвистический», свойственный малым народам, стремящимся к собственной государственности. Это обуславливает необходимость двух точек анализа этнонациональных отношений — анализа эффективности государственной политики национальной консолидации, с одной стороны, и анализа «низовых» устремлений, верований, ценностей, с другой. Второй тип национализма получает импульс к развитию в силу тех особых обстоятельств, которые сформировались в современных обществах, а именно — соединения в один комплекс этнических, языковых и национальных интересов, классового разделения общества, нередко заключаемого в «этническую» оболочку, и масштабной миграции, ведущей к соприкосновению разных культур и этнических групп. Классовый ресентимент выходит на первый план в том случае, если низшие классы общества начинают рассматривать меньшинства как фактор сужения их жизненных возможностей — трудоустройства и восходящей мобильности. В Восточной Европе конца XX века этнический национализм нередко опирался на религиозные аффилиации и ставил целью очищение «нации» от «чужих» — религиозных или этнических меньшинств или мигрантов. На матрицу непростых классовых отношений накладывалась политика «вытеснения чужаков», претендующих на равные или даже привилегированные позиции в сферах государственного управления, образования и социальной политики. Подобные претензии только усиливались вследствие глобализации, сужающей возможности национальных государств. Гражданский национализм, или, по выражению Дюркгейма, гражданская религия, терял влияние в силу постепенной деградации самого понятия гражданина как субъекта, наделенного определенными правами. Глобальные интересы, находящиеся вне зоны влияния гражданина, оказывались более влиятельными, чем интересы отдельных государств, и в качестве непреднамеренного последствия создавали благоприятные условия для нарастания конфликтных отношений между этническими группами. Если конституирование современных национальных государств создавало преимущества для национализма больших народов, то глобализация, деконституирующая национальное государство, создает условия для возрождения малых национализмов, находящихся в большом национальном государстве на идейной периферии.

Социологические опыты оставили в наследство исследователям национальной проблематики описание факторов, которые в конечном итоге могут привести к обострению отношений между этническими группами. Важнейшими из этих факторов считались конфликты и противоречия социального и политического характера. В классической традиции межэтническая напряженность рассматривается как состояние общественного сознания, имеющее в основании либо классовые противоречия, либо борьбу политических интересов, в которой игроки ищут инструменты политической мобилизации. Возможна ситуация, при которой политические игроки сознательно превращают локальные и в целом незначимые инциденты в отношениях между представителями разных этнических групп в провоцирующие события, способные

обосновать политику мобилизации. Как ни убедительна подобная точка зрения, она оставляет без ответа важный вопрос: почему именно этнические группы рассматриваются как база мобилизации, а не, к примеру, социально-профессиональные группы или территориальные образования? Можно предположить, что предрасположенности к подобной мобилизации имеются в культурах, закреплены в опыте и бытующих в культуре мемах. В поисках действительных причин этнической напряженности возникла необходимость изучать конкретные варианты схождения общих культурных образцов и реальных обстоятельств жизни, отраженных в социальных, классовых интересах.

**Методологический индивидуализм Раймона Будона:
интегративный подход**

В рассуждениях о применимости социологических теорий к анализу конкретных ситуаций Раймон Будон не скрывал своего скепсиса. Теоретические выкладки общего характера, полагал он, не могут применяться для объяснений конкретных ситуаций, они лишь задают рамку конфликта, внутри которой работают иные, локальные факторы. Бессмысленно, скажем, следовать примеру М. Вебера и объяснять ферментацию новых религиозных культов в меньшинствах одним лишь фактором их преследования властью или большинством населения. Внешняя похожесть изучаемых явлений — отнюдь не гарантия того, что в основе каждого из них лежат одни и те же причины. Взять хотя бы становление предпринимательского класса в разных странах и разных регионах. На первый взгляд, базой для предпринимательского класса чаще всего становятся меньшинства, вытесняемые из других областей жизни, принуждаемые самой слабостью своих позиций в политическом поле к тому, чтобы активно утверждать себя в экономике. Именно эту тенденцию иллюстрирует, казалось бы, пример деклассированных элементов в Японии и Антиокии — одной из колумбийских провинций. Американский социолог Э. Хаген усмотрел в позиции утративших статус самураев и деклассированных представителей локальной колумбийской элиты сходство, объясняющее их активную вовлеченность в экономические трансакции [1, с. 101]. Однако, полагает Будон, это сходство является внешним и при ближайшем рассмотрении исчезает вовсе. Различия между двумя кейсами связаны с социально-экономическим контекстом, в котором развивались судьбы каждой из названных групп. В случае с сословием самураев разрыв между утратой статуса и вхождением в предпринимательство составлял порой несколько поколений. В колумбийской провинции особые обстоятельства, способствовавшие успешному экономическому развитию, заключались в дефиците земли, пригодной для сельскохозяйственного производства, наличии свободной, квалифицированной рабочей силы, развитой транспортной инфраструктуры, а также в том, что местные элиты располагали ограниченными ресурсами и не могли отправлять своих детей в престижные вузы для последующего трудоустройства в сферу государственной служ-

бы, культуры и образования. Будон называет предрасположенности, заключенные в факторах структуры, структурой оптимального действия. Эта структура сформировалась таким образом, что не все население, а прежде всего элиты тяготели к действиям определенного типа.

Неправомерные интерпретации событий возникают, полагает Будон, когда возводятся в абсолют три «демона» — «демон» обобщения, «демон» детерминации и «демон» эндогенизации [1, с. 207–209]. Первый сводит вместе случаи, которые должны рассматриваться по отдельности и которые вытекают из разных первоначальных состояний. Второй привязывает исследуемое событие к одному фактору, а третий намеренно замыкает событие в пространстве, игнорируя внешние, контекстуальные обстоятельства. Последние влияют на ситуацию в разных формах, иногда в форме прямого вмешательства, а иногда и опосредованно, как совокупность альтернативных образцов, подсказывающих направление социального действия. Один из примеров, на которые ссылается Будон, имеет прямое отношение к теме расовой, межнациональной напряженности. Парадоксальным фактом стало то, что придерживающиеся эгалитарной идеологии американские профсоюзы после Первой мировой войны демонстрировали неприятие чернокожих работников, граничившее с расизмом. Роберт Мертон, изучавший данную ситуацию, пришел к выводу, что враждебность, возникавшая внутри профсоюзов, имела причиной несколько взаимосвязанных обстоятельств. Прибывавшие из южных штатов чернокожие работники до того работали главным образом в сельском хозяйстве и не имели квалификации, достаточной для беспрепятственного трудоустройства на промышленные предприятия. Устроиться на завод или иное крупное производство им было труднее, чем белым рабочим. Чернокожие хватались за любую возможность получить работу, а потому часто использовались хозяевами предприятий для срыва забастовок: «В итоге процесс шел по спирали: сомнения белых профсоюзных лидеров в наличии у чернокожих чувства профсоюзной солидарности “подтверждались фактами”. Не осознавая того, белые переходили от простого чувства недоверия, основывавшегося на желании отстоять свои профсоюзные интересы, к дискриминационным отношениям» [1, с. 184]. Мертон рассматривает ситуацию как «эндогенно» закрытую, но Будон предлагает расширить диапазон наблюдений и принять во внимание возможные траектории ее развития. В какой-то момент в ситуацию вмешались другие акторы — политики, интеллектуалы, журналисты, — и это вмешательство вывело ее из эндогенного тупика. Вход и выход из ситуации конфронтации происходит, как правило, за счет нарушения цикла воспроизводства одним из ее основных акторов или же вследствие вовлечения в нее одного из внешних акторов, ломающих сложившийся баланс сил.

* * *

Логика объяснений, которую предлагает Будон, исходит из необходимости расширять горизонт анализа за пределы сиюминутных

раскладов, рассматривать любую ситуацию как имеющую собственную уникальную траекторию развития. Только изучив ее, можно прийти к заключению о том, почему возникают те или иные «настроения», как в конкуренции побеждают одни ценности и терпят поражение другие. Важно также понимать, что ситуация напряженности может быть одним из непреднамеренных последствий планировавшихся действий. Освоение новых сырьевых месторождений, замышляемое как благо для местных жителей, на поверку оказывается катализатором напряженности между ними и прибывшими на стройку специалистами. Строительные работы разрушают привычный уклад экономической жизни, выводят из оборота сельскохозяйственные земли, провоцируют приток кадров, чуждых местным обычаям. То, что замышляется как благо, может в итоге стать поводом для конфронтации и, возможно, мобилизации на этнической основе. Межэтническая напряженность возникает как противоречие между разными уровнями межгрупповых взаимоотношений. Здесь мы снова возвращаемся к идее Дюркгейма о многоуровневой природе межэтнических отношений и необходимости их гармонизации. Важны ключевые гражданские ценности, которые культивирует общество. Эти ценности служат опорой для нормального функционирования основных общественных институтов. Институциональный уровень становится той площадкой, на которой происходит примирение различных социальных интересов. Универсалии общественной жизни, проявленные в эффективных институтах, гарантируют всем гражданам равные права и тем самым снимают необходимость этнической мобилизации, лишают аргументов тех политиков, которые хотели бы опереться на этнические идентичности для консолидации своих позиций в отношениях власти и собственности.

Для того чтобы понять, существуют ли реальные предпосылки для роста уровня межнациональной напряженности, невозможно ограничиться изучением соотношения гражданских и этнических идентичностей. Важно увидеть развитие ситуации во взаимодействии акторов, обладающих ресурсами мобилизации. Необходимо понимать, каков культурный репертуар социального действия в тех случаях, когда какая-то часть этнической группы посчитает себя проигравшей, вытесненной на обочину иной, более влиятельной культурой, имеющей потенциал конституирования политической нации. Нельзя упускать из виду возможного вхождения в поле столкновения социальных интересов новых акторов, включая политические силы за пределами страны. Названные факторы являют себя не по отдельности, а в комбинациях, формирующих конкретные обстоятельства, влияющих на отношения между этническими группами. Исследование всей суммы названных факторов не только возможно, но и необходимо. Однако надо понимать, что диагностика подобного рода не может быть только универсальной, она возможна лишь с учетом всей суммы факторов в их локальной социально-экономической специфике, в исторической, культурной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального измерения / Р. Будон; Пер. с фр. М.М. Кириченко; Науч. ред. пер. М.Ф. Черныш; Ин-т Открытое общество. М.: Аспект Пресс, 1998. — 284 с.
2. Маркс К. К еврейском вопросу [электронный ресурс]. Дата обращения 25.06.2016. URL: <<https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/jewish.htm>>.
3. Маркс К. Письмо к К. Каутскому от 7 февраля 1882 г. [электронный ресурс]. Дата обращения 25.06.2016. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1882/letters/82_02_07.htm>.
4. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. Сочинения. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. С. 113–150.
5. Appadurai A. Modernity at large. Cultural Dimension of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. — 229 p.
6. Cladis M. A Communitarian defense of liberalism. Emile Durkheim and contemporary social theory. Stanford: Stanford University Press, 1992. — 339 p.
7. Fanon F. The wretched of the Earth. New York: Grove Press, 1963. — 241 p.
8. Gellner E. Nations and nationalism. New perspectives on the past. 2nd ed. Ithaca: Cornell University Press, 2009. — 152 p.
9. Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. Programme, myth and Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 209 p.
10. Lukes S. Emile Durkheim: His life and works: A historical and critical study. Stanford: Stanford University Press, 1973. — 638 p.
11. Parkin F. Marxism and class theory. London: Tavistock Publications, 1979. — 217 p.
12. Smelser N. The social edges of psychoanalysis. Oakland: University of California Press, 1998. — 263 p.
13. Urry J. Mobilities. London: Polity Press, 2007. — 334 p.
14. Wright E.O. Classes. London: Verso, 1985. — 344 p.

Дата поступления: 30.07.2016.

SOTSIOLICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2016. VOL. 22. NO. 4. P. 25–41. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4806

M.F. CHERNYSH

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Mikhail F. Chernysh — Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Science,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Address: 24/35 Krzhizhanovskogo St., 117218, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (499) 125-00-60. **Email:** mfche@yandex.ru

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL STUDY
OF ETHNIC TENSION CAUSATION**

Abstract. The article presents theoretical reflections on the phenomenon of inter-ethnic tension. Inter-ethnic tension characterizes relations between ethnic groups that are in contact with each other. As a rule, the studies of inter-ethnic tension define it as

a state of group consciousness of two or more ethnic groups with manifest aversion or hostility to each other. In his works Durkheim emphasized that inter-ethnic tension is caused by the weakness of common civic values. In his view only the society in which common civic values are shared by the majority of the population has the right to be called “moral”. Mobilization on the basis of ethnic values weakens society by putting one ethnic group against another. The left-wing tradition views inter-ethnic tension as a result of incomplete emancipation of ethnic groups in contemporary society. In the studies of cultural orientation (Gellner, Hobsbaum) inter-ethnic tension is attributed to the process of cultural selection in the course of national state construction. In different situations, inter-ethnic tension has a different array of causes, therefore, following the recommendation of R. Boudon, it should be placed in a concrete context with regard to the economic, social and cultural factors that form it.

Keywords: a social group; an ethnic group; the rise of ethnic consciousness; inter-ethnic tension; conflict; “moral society”; national state; class conflict.

For citation: Chernysh M.F. Theoretical and Methodological Study of Ethnic tension Causation. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 4. P. 25–41. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4806

REFERENCES

1. Boudon R. La place du desordre: Critique des theories du changement social. [Russ. ed.: Budon R. *Mesto besporyadka. Kritika teorii sotsial'nogo izmeneniya*. Transl. from French by M.M. Kirichenko; Ed. by M.F. Chernysh. Moscow: Aspekt Press publ., 1998. 284 p.]
2. Marks K. *On the Jewish Question* [online]. Accessed 25.06.2016. URL: <<https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/jewish.htm>>. (In Russ.)
3. Marks K. *A letter to K. Kautsky, February 7, 1882* [online]. Accessed 25.06.2016. URL: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1882/letters/82_02_07.htm>. (In Russ.)
4. Lenin V.I. O prave natsii na samoopredelenie. [On the rights of nations to self-determination]. *Sochineniya*. 5th ed. Moscow: Politizdat publ., 1973. P. 113–150. (In Russ.)
5. Appadurai A. *Modernity at large. Cultural Dimension of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. 229 p.
6. Cladis M. *A Communitarian defense of liberalism. Emile Durkheim and contemporary social theory*. Stanford: Stanford University Press, 1992. 339 p.
7. Fanon F. *The wretched of the Earth*. New York: Grove Press, 1963. 241 p.
8. Gellner E. *Nations and nationalism. New perspectives on the past*. 2nd ed. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 152 p.
9. Hobsbawm E. *Nations and nationalism since 1780. Programme, myth and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 209 p.
10. Lukes S. *Emile Durkheim: His life and works: A historical and critical study*. Stanford: Stanford University Press, 1973. 638 p.
11. Parkin F. *Marxism and class theory*. L.: Tavistock Publications, 1979. 217 p.
12. Smelser N. *The social edges of psychoanalysis*. Oakland: University of California Press, 1998. 263 p.
13. Urry J. *Mobilities*. L.: Polity Press, 2007. 334 p.
14. Wright E.O. *Classes*. L.: Verso, 1985. 344 p.

Received: 30.07.2016.